

Поль ЛаФарг Право на лень

Из наследия мировой политологии –

<http://www.litmir.net>

«Право на лень. Религия капитала»: Либроком; Москва; 2012
ISBN 978-5-397-02426-6

Аннотация

Вниманию читателей предлагается книга известного французского экономиста и политического деятеля Поля Лафарга (1842–1911). В «Праве на лень» автор предпринимает попытку оспорить прославление и идеологическое навязывание ценности труда, провозглашая право на досуг как одну из важных целей в борьбе пролетариата за свои права. Книга будет интересна философам, политикам, обществоведам, историкам и литературоведам, а также самому широкому кругу читателей.

Поль Лафарг ПРАВО НА ЛЕНЬ (Опровержение «Права на труд». 1848 г.)

Предисловие

В 1849 году г. Тьер, в заседании комиссии по организации первоначального образования, сказал: «Я хочу усилить влияние духовенства, так как рассчитываю, что оно будет распространять ту здоровую философию, которая учит человека, что он создан, чтобы страдать, а не ту, которая, наоборот, говорит человеку: наслаждайся». В этих словах г. Тьер, олицетворявший грубый эгоизм и ограниченный ум буржуазии, формулировал ее мораль.

Когда буржуазия боролась против дворянства, поддерживаемого духовенством, она развернула знамя свободной науки и атеизма, но лишь только она восторжествовала, она изменила и свои речи, и свои стремления; в настоящее время она старается поддержать религией свое политическое и экономическое господство. В XV–XVI веках она с радостью

ухватилась за традиции язычества и прославляла осуждавшиеся христианством плоть и ее наслаждения; в наши дни, утопая в роскоши и удовольствиях, она отрекается от учения своих мыслителей Раблэ и Дидро и проповедует пролетариату воздержание. Капиталистическая мораль, жалкая копия христианской морали, поражает проклятием плоть рабочего; она ставит себе идеалом свести потребности производителя до последнего минимума, задушить в нем все чувства и все страсти и обречь его на роль машины, которая работала бы без отдыха и срока.

Революционерам-социалистам приходится начать такую ж борьбу, какую вели философы и памфлетисты буржуазии; они должны взять штурмом социальные теории и мораль капитализма; они должны уничтожить в головах класса, призванного к борьбе, предрассудки, воспитываемые в нем господствующим классом; они должны объявить в лицо ханжам всякой морали, что земля перестанет быть юдолью плача для рабочего, что в коммунистическом обществе будущего, которое мы создадим, «если окажется возможные – мирными средствами, а не то, так силою», страстям человека дан будет полный простор, ибо «все они сами по себе хороши – не следует лишь злоупотреблять ими»,¹ а злоупотребление страстями может быть устранено лишь их взаимным уравниванием, лишь гармоническим развитием человеческого организма, «ибо, – говорит д-р Веддо, – лишь когда люди достигают высшего физического развития, они достигают и высшего развития своей энергии и нравственной силы». Такого же мнения был великий натуралист Чарльз Дарвин.²

Будем лениться во всем, кроме любви и питья, во всем, кроме лени.
Лессинг.

I. Гибельный догмат

Странное безумие овладело рабочими классами тех стран, в которых царит капиталистическая цивилизация, и именно оно, это безумие, порождает все индивидуальные и общественные бедствия, которые вот уже два века мучат человечество. Безумие это – любовь к труду, бешеная страсть к которому истощает жизненные силы людей и их потомства. Вместо того чтобы противодействовать этому безумному заблуждению, попы, экономисты и моралисты объявили труд святым, превратили его в священнодействие. Люди слепые и ограниченные, они захотели быть умнее своего бога; слабые и жалкие, они желали реабилитировать то, что их бог проклял. Я, – не христианин, не моралист и не экономист, – апеллирую на их решение к суду их бога; на их религиозные, моральные, свободомыслящие проповеди – к ужасным последствиям труда в капиталистическом обществе.

В капиталистическом обществе труд есть причина духовного вырождения и физического уродства. Сравните чистокровную лошадь конюшни Ротшильда, имеющую в своем услужении целую свору двуруких рабов, с неповоротливой нормандской клячей, которая пашет землю, тащит навоз, свозит собранную жатву. Посмотрите на благородного дикаря, которому миссионеры торговли и коммивояжеры религии не привили еще вместе с христианством сифилиса и любви к труду, и сравните его с нашими несчастными рабами машины.³

¹ Descartes, Les passions de l'ame.

² D-г Beddoe, Memoirs of the Anthropological Society; *Ch. Darwin*, Descent of man.

³ Европейские исследователи удивляются физической красоте и гордой осанке первобытных народов, не оскверненных еще тем, что Пеппиг назвал «отравленным дыханием цивилизации». Говоря о туземцах островов Великого океана, лорд Кемпбанль пишет: «Нет в мире народа, который при первом взгляде производил бы большее впечатление. Их гладкая кожа с слабым медным оттенком, их золотистые, вьющиеся волосы, их красивые веселые лица, словом – вся их внешность представляет новый и великолепный образчик *genus homo*; своим видом они производят впечатление более высокой расы, чем наша. Цивилизованные люди древнего Рима, вроде Цезаря и Тацита, с таким же восхищением смотрели на германцев, принадлежавших к коммунистическим племенам, вторгнувшимся в Римскую империю. Подобно Тациту, Сальвиан, священник V века, которого прозвали старшим епископом, приводил варваров в пример цивилизованным христианам; «Мы – распутники *среди* варваров, они целомудреннее нас. Более того, варваров оскорбляет наша развращенность. Готы не терпят в своей среде

Если мы хотим в нашей цивилизованной Европе найти еще следы первобытной человеческой красоты, то нам нужно обратиться к тем нациям, у которых экономический предрассудок не искоренил еще ненависти к труду. Испания, которая, увы, уже вырождается, может еще хвастать, что у нее меньше фабрик, чем у нас казарм и тюрем, зато художник приходит в восторг, глядя на смелого, с загоревшим, словно каштан, лицом, прямого и гибкого, как стальной клинок, андалузца. И сердце трепещет от радости, когда видишь величественно драпирующегося в свой дырявый плащ испанского нищего, который обращается к какому-нибудь герцогу Оссуна со словом «amigo» (друг). Для испанца, в котором еще дремлет первобытный зверь, труд является наихудшим рабством.⁴

И греки также в эпоху расцвета питали к труду одно только презрение: работать разрешалось одним лишь рабам, свободный же человек знал только гимнастику тела и духовные наслаждения. Это было время Аристотеля, Фидия, Аристофана, – время, когда кучка храбрецов при Марафоне уничтожила полчища Азии, которую вскоре после этого завоевал Александр. Философы древности внушали презрение к труду, который, по их учению, унижает свободного человека; поэты воспевали леность, этот дар богов: «О Мелибей, бог дал нам. эту праздность», – поет Виргилий.

Прославлял леность и Христос в своей нагорной проповеди: «Посмотрите на полевые лилии, как они растут? Не трудятся, не прядут, но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них».⁵ Иегова, бог иудейский, дал своим поклонникам высший пример идеальной лени: после шести дней труда почил он в день седьмой на веки вечные.

И, наоборот, для каких рас труд является органической потребностью? Для жителей Оверни во Франции, для шотландцев, этих овернцев Великобритании, для гальгосов, этих овернцев Испании, для китайцев, этих овернцев Азии. А в нашем обществе – какие классы любят труд ради труда? Мелкие крестьяне-собственники и мелкая буржуазия. Первые – согбенные над своей землей, вторые – привязанные к своей лавочке, роются, подобно кротам, в своих норах и, подобно им же, никогда не выпрямляют своих спин, чтобы свободно наслаждаться природой.

И пролетариат, великий класс, охватывающий производителей всех цивилизованных наций, класс, который, освободившись сам, освободит тем самым и все человечество от рабского труда и из человека– зверя сделает свободное существо, – этот пролетариат, насилюя свои инстинкты, не понимая своей исторической миссии, дал себя развратить догмой труда! Жестока и сурова была постигшая его кара. Его страсть к труду породила все индивидуальные и общественные бедствия.

II. Благодать труда

распутных соплеменников, только римляне среди них пользуются печальной привилегией, имеют право на разврат». (Педерастия была тогда в большой моде среди язычников и христиан.) «Угнетенные уходят к варварам искать гуманности и убежища». («De Gubernatione Dei».) Старая цивилизация и возникавшее христианство испортили варваров старого мира; точно так же состарившееся христианство и современная капиталистическая цивилизация портят дикарей нового мира.

Ф. Ле-Плэ; которого надо признать талантливым наблюдателем, даже если отвергать его социологические выводы, зараженные филантропическим и христианским прудонизмом, говорит в своей книге «Des ouvriers еигорёепз» (Европейские рабочие), 1886: «Склонность башкир к лени (башкиры – полу-кочевые скотоводы азиатского склона Урала), досуг кочевой жизни и порождаемая им у людей более способных привычка к созерцательности придают им часто благородство манер, тонкость ума и суждений, которые редко замечаются на том же социальном уровне в более развитых цивилизациях... Больше всего отвращение внушают им земледельческие работы». Земледелие в самом деле есть первое проявление рабского труда в человечестве. По библейским преданиям, первый преступник, Каин, был земледельцем.

⁴ Испанская пословица говорит: «Descanzar es salud» (отдых, это – здоровье).

⁵ Евангелие от Матфея, гл. в, 28 и 29.

В 1770 г. появилось в Лондоне анонимное сочинение, под названием «Трактат о промышленности и торговле», в свое время обратившее на себя большое внимание. Автор, большой филантроп, возмущался тем, что «английская мануфактурная чернь забрала себе в голову мысль, что ей, как всем англичанам, принадлежит по праву рождения привилегия быть свободнее и независимее рабочего народа других стран Европы. Такие мысли могут быть полезны для солдат, потому что они подымают в них дух и увеличивают их храбрость, но чем менее пропитаны ими мануфактурные рабочие, тем лучше и для них, и для государства. Рабочие не должны считать себя независимыми от своих начальников. В высшей степени опасно поощрять подобные увлечения в таком коммерческом государстве, как наше, где, быть может, семь восьмых населения почти или совсем не имеет собственности. И эта опасность не будет вполне устранена до тех пор, пока наши промышленные бедняки не станут безропотно работать шесть дней за ту же плату, которую они зарабатывают теперь в четыре дня». Итак, почти за сто лет до Гизо открыто выставляли в Лондоне труд как узду для благородных стремлений человечества. «Чем более мои пароды будут работать, тем менее у них будет пороков», – писал 6 мая 1807 г. Наполеон из Остерода. «Я – власть... и я склонен был бы издать приказ, чтобы по воскресеньям, сейчас же после богослужения, лавки снова открывались, а рабочие снова становились на работу». Для искоренения лени и порождаемой ею любви к свободе и независимости автор «Трактата о торговле и промышленности» предлагал всех бедняков запирают в идеальные рабочие дома (*ideal workhouses*), которые превращались бы в дома ужаса. Заключенных в этих домах держали бы на работе по 14 часов в сутки, так, чтобы, за вычетом перерыва на еду, оставалось полных 12 часов труда.

Двенадцать рабочих часов в сутки – вот идеал филантропов и моралистов XVIII века! Как мы превзошли это *plus ultra*! Современные фабрики стали идеальными исправительными домами, в которые запирают рабочие массы и где не только мужчины, но и женщины и дети приговорены к 12– а 14-часовой каторжной работе.⁶

И потомки героев революционного террора дали развратить себя религией труда до такой степени, что сочли закон 1848 г., ограничивший рабочий день 12 часами, за революционное приобретение, они возвели в революционный принцип право на труд. Позор французскому пролетариату! Только рабы способны на такую низость! Нужно было бы двадцать лет растлевающего влияния капиталистической цивилизации, чтобы грек героических времен дошел до такого унижения.

И если муки каторжного труда и пытки голода обрушились на пролетариат, то винить в этом он должен только самого себя. Труд, которого рабочие с оружием в руках требовали в 1848 г., они возложили и на свои семьи; они отдали промышленным баронам своих жен и детей. Своими собственными руками они разрушили свой домашний очаг, своими собственными руками они иссушили груди своих жен; несчастные, беременные или кормящие грудью своих детей, женщины должны были идти на фабрики и в рудники, где они гнули спину и истощали силы; своими собственными руками они подрывали силы и жизнь своих детей. Позор пролетариату! Где они – эти женщины с откровенными шутками, со смелым задором и любовью к божественному вину, о которых рассказывают наши старые басни и былины? Где они – эти "*резвушки*", постоянно куда-то бегущие, о чем-то хлопочущие, постоянно стряпающие, с непрекращающейся песней на устах, сеющие жизнь кругом себя, всех радуя, и без более рождающие здоровых и крепких ребят?...

Теперь мы имеем фабричных женщин и девушек – чахлые, бледные цветы, малокровные, с истощенными желудками и вялыми членами. Они не знают здоровых наслаждений, и ни одна из них не расскажет вам с юным задором о первых безумных порывах страсти. А дети?

⁶ На первом филантропическом конгрессе (Брюссель, 1857 г.) один из богатейших мануфактуристов из Маркетта (недалеко от г. Лилля), г. Скрив, при аплодисментах членов конгресса, с чувством исполненного долга сказал: «Мы устроили кое-какие развлечения для детей. Мы учим их петь и считать во время работы. Это их развлекает, и они бодро выносят 12-часовой труд, который необходим, чтобы они могли добывать себе средства к существованию». 12 часов труда – и какого труда! – налагаются на детей, которым нет еще 12 лет! Материалисты всегда будут жалеть, что нет такого ада, куда можно было бы бросать этих христиан, этих филантропов, этих палачей детства!

Двенадцать часов труда для детей! О мерзость! Да все Жюли Симоны Академии нравственных и политических наук, все Жермини иезуитизма не могли бы придумать порока, который так притуплял бы детский ум, так развращал бы их инстинкты, так разрушал бы их оргазм, как зачумленная атмосфера капиталистических мастерских!

Наше время, говорят нам, время труда. О да, это-время горя, нищеты и разврата!...

И, однако, буржуазные философы и экономисты, начиная с тяжеловесно-темного Огюста Конта до тривиально-ясного Леруа-Болье, буржуазные писатели, начиная с шарлатански-романтического Виктора Гюго до наивно-забавного Поль де-Кока, – все они вместе распевают тошнотворные песни в честь бога Прогресса, первенца Труда. Послушать их – можно думать, что на землю спускается царство всеобщего счастья... чувствуется уже его приближение. Они забираются в глубь средних веков, роются в развалинах и бедствиях феодализма, чтобы на этом темном фоне ярче светило солнце настоящего. Все уши прожужжали они нам, – эти сытые и довольные, некогда топтавшиеся среди челяди какого-нибудь важного феодала, а теперь жирно оплачиваемые литературные лакеи буржуазии, – все уши прожужжали они нам своими нескончаемыми жалобными рассказами о несчастном крестьянине, изображенном ритором Лабрюйером! И что же? Вот блестящая картина пролетарского счастья в 1840 году эры капиталистического прогресса, набросанная академиком, доктором Виллерме, принадлежавшим к тому кругу ученых (Тьер, Кузен, Пассп, академик Бланки принадлежали к их числу), которые в 1848 г. пропагандировали в массе глупости буржуазной экономии и морали.

Д-р Виллерме говорит о промышленном Эльзасе, Эльзасе Кестнера и Дольфюса, светочей филантропии и буржуазного республиканизма. Но раньше, чем доктор развернет пред нами картину пролетарской нищеты, выслушаем эльзасского мануфактуриста, г. Т. Мига из торгового дома Дольфюс, Миг и Ко, который описывает положение ремесленников при старой промышленной системе: «В Мюльгаузене 60 лет тому назад (в 1813 г., когда только еще нарождалась современная машинная промышленность) все рабочие были еще родными детьми земли, населяя город и окрестные села; каждый из них владел домиком, а иногда еще и клочком земли». ⁷ Это был золотой век рабочего люда, но зато эльзасская промышленность не наводняла еще весь мир своими бумажными материями и не доставляла еще миллионов своим Дольфюсам и Кехлинам. Спустя же 25 лет, когда д-р Виллерме посетил Эльзас, современный минотавр – капиталистическая фабрика – покорил страну; в своей жадности к человеческому труду он исторг рабочих из их жилищ, чтобы крепче сдавить их и лучше выжимать из них их рабочую силу. Тысячами сбегались рабочие на свист машины. «Большая часть из них, – говорит Виллерме, – пять тысяч из семнадцати, принуждены были вследствие высокой квартирной платы селиться в окрестных деревнях. Некоторые жили за 8–9 верст от фабрики, на которой они работали.

«В Мюльгаузене, в Дорпахе работа начинается в 5 часов утра и кончается в 6 часов вечера как летом, так и зимою. Нужно их видеть каждое утро, когда они приходят в город, и вечером, когда они уходят. Между ними множество женщин, бледных, худых; босые, топчутся они по грязи, а в дождь или снег они поднимают свои передники или верхние юбки на голову, чтобы защитить шею и лицо. Еще больше в этой толпе детей, таких же грязных, таких же истощенных, покрытых лохмотьями, пропитанными маслом, капающим на них с машин во время работы. Эти дети, лучше защищенные от дождя своей непромокающей от жира одеждой, не обременены даже, подобно женщинам, корзинами с дневной провизией, а держат в руке, за пазухой или где возможно кусок хлеба, которым они должны питаться целый день, до возвращения домой.

«Таким образом, к усталости непомерно длинного рабочего дня – не меньше 16 часов – прибавляется еще долгое, изнурительное хождение на фабрику и домой. Они возвращаются поэтому вечером домой, измученные от усталости и истощения, одолеваемые сном, а рано утром, не успев еще отдохнуть, спешат на фабрику, чтобы прибыть на место ко времени

⁷ Речь, произнесенная в парижском Международном обществе практического изучения социальной экономии в мае 1863 г. и напечатанная в «Economiste Francais» в том же году.

открытия мастерских».

А вот конуры, в которых ютятся те, что живут в городе: «Я видел в Мюльгаузене, в Дорнахе и в домах по-соседству те жалкие квартиры, где в одной комнате спят по две семьи, каждая в углу на соломе, постланной на полу и поддерживаемой с обеих сторон досками... Нищета, в которой живут рабочие хлопчатобумажной промышленности департамента Haut-Rhin, так велика, что благодаря ей в семьях прядильщиков и ткачей умирает 50 % детей до 2-летнего возраста, тогда как в семьях фабрикантов, купцов, директоров фабрик 50 % детей достигает 21-летнего возраста».

Говоря о работе в мастерских, Виллерме прибавляет: «Это не труд, не урочная работа, а пытка, и ей подвергают детей от 6-летнего до 8-летнего возраста. Эта медленная пытка изо дня в день подтачивает рабочих хлопчатобумажной промышленности». Относительно промышленного труда Виллерме замечает, что каторжники в острогах работали не более 10 часов, а рабы в древности работали в среднем 9 часов в сутки; во Франции же, которая совершила в 1789 г. революцию, провозгласившую пышные права человека, «в некоторых отраслях промышленности рабочий день продолжается 16 часов, из которых рабочим на еду и отдых дается лишь 1 1/2 часа».⁸

О жалкое банкротство революционных принципов буржуазии! О жалкие дары ее бога Прогресса! Филантропы величают благодетелями человечества людей, которые, чтобы обогатиться, ничего не делая, дают работу беднякам; куда лучше было бы сеять чуму, отравлять колодцы, чем воздвигать капиталистическую фабрику среди сельского населения. Введите фабричный труд – и прощай радость, здоровье, свобода; прощай все, что украшает жизнь человека и делает достойным его существование!⁹

И экономисты, не уставая, твердят рабочим: работайте, чтобы увеличить общественное богатство! И они делают это, несмотря на то, что один экономист, Дестют-де-Траси, им ответил: «Бедные нации – те, где народу хорошо живется, а богатые – те, где народ беден», а его последователь Шербюлье прибавил: «Сами рабочие..., содействуя накоплению производительных капиталов, способствуют установлению таких условий, которые, рано или поздно, должны лишить их части их заработка». Но обалдевшие и отупевшие от собственного карканья, экономисты возражают: «Работайте, работайте, чтобы создать себе благосостояние!» И во имя христианского милосердия английский поп, преподобный Таунсенд проповедует: «Работайте, работайте день и ночь; трудясь, вы увеличиваете свою нищету, а ваша нищета освобождает нас от необходимости заставлять вас работать силою закона. Принуждение к работе законодательным путем сопряжено со слишком большими трудностями, насилиями и шумом, между тем как голод оказывает не только мирное, безгласное и постоянное давление; он, как самый естественный мотив для промышленности и труда, вызывает также наибольшее напряжение. Работайте, работайте, пролетарии, чтобы увеличить общественное богатство и вашу личную нищету, работайте, работайте, чтобы все более беднеть и, таким образом, иметь еще больше основания работать и терпеть страдания. Таков непреодолимый закон капиталистического производства!»

И вот рабочие, прислушиваясь к лживым речам экономистов, отдаются душой и телом

⁸ Виллерме, Картина физического и морального состояния рабочих в шелковых, шерстяных и хлопчатобумажных фабриках (1840 г.). Дольфюс, Вехлин и другие эльзасские фабриканты не потому так обращаются со своими рабочими, что они республиканцы, патриоты и протестантские филантропы; академик Бланки, Рейбо, прототип Жероуа Патюро, Жюль Симон констатировали подобное же благосостояние рабочего класса у весьма католических фабрикантов Лилля и Лиона. Эти капиталистические добродетели одинаково уживаются со всеми политическими в религиозными убеждениями.

⁹ Индейцы воинственных племен Бразилии убивают своих больных и стариков; полагая конец жизни, сопровождающейся радостью боев, празднеств и плясок, они этим проявляют свою дружбу. Все первобытные народы давали своим близким эти доказательства своей любви, – прикаспийские массагеты (Геродот) так же, как германские – вены и галльские кельты. В церквах Швеции еще недавно хранились дубинки, называвшиеся фамильными дубинками, которые служили для освобождения родителей от печалей старости. До какой степени выродились современные пролетарии, если они; терпеливо переносят ужасные страдания фабричного труда!

пороку труда, подвергают общество промышленным кризисам перепроизводства, которые приводят в содрогание общественный организм. И вот тогда, – ибо товаров избыток, а покупателей мало, – фабрики закрываются, и голод бичует рабочее население своею тысячеквостой плетью. Пролетарии, омраченные догмой труда, не понимают, что прибавочный труд, которым они истощали себя во время так называемого расцвета промышленности, есть причина их настоящей нищеты, и вместо того чтобы бежать к хлебным складам и кричать: «Мы голодны, мы есть хотим!... Правда, у нас нет и полушки, но хотя мы и голяки, но ведь это мы собирали хлеб и виноград»... Вместо того чтобы осадить магазины Бонне, Жюжюрье, изобретателя промышленных монастырей, и кричать: «Г-н Бонне, это пришли ваши сучильщицы, ткачихи и прядильщицы; они дрожат от холода в своих разодранных ситцевых платьях, при виде которых прослезился бы даже кулак, а между тем это они пряли и ткали шелковые платья для кокоток всего христианского мира. Бедняжки работали 13 часов в сутки и некогда было им заботиться о своем туалете; теперь они лишились работы, свободны и могут расфрантиться в те шелковые ткани, которые они раньше изготовили. С тех пор как они потеряли молочные зубы, они работают на вас, дабы вам жилось вольготно, а сами живут впроголодь; теперь они свободный хотят насладиться плодами своего труда. Итак, г. Бонне, давайте сюда свои шелковые ткани, г. Армель принесет свою кисею, г. Пине – свою прекрасную обувь для их промерзших, промокших ножек... Разодетые с головы до ног, расфранченные, они будут так хороши, что даже и вам приятно будет любоваться на них. Да ну же, не увиливайте – ведь вы филантроп, не так ли, и помимо всего прочего – христианин? Отдайте же вашим работницам все добро, что они вам создали каторжным трудом, иссушившим мозг их костей. Ведь вы любите торговлю? Ну, так способствуйте же обращению товаров; вот вам готовые потребители; откройте им только неограниченный кредит. Должны же вы открывать кредит торговцам, которых вы видите в первый раз и от которых вы до сих пор не имели ни полушки. Ваши работницы расквитаются с вами как смогут, и если к назначенному сроку они заставят вас опротестовать их векселя, то вы объявите их банкротами, а если у них нечего будет описать, вы потребуете, чтобы они оплатили вам молитвами: поверьте, они скорее приурочат вам рай, чем ваши грязные попы».

Вместо того чтобы воспользоваться временем кризиса и распределить между всеми готовые продукты и благодаря общему вынужденному отдыху устроить всеобщее веселье, рабочие, пухнувшие с голода, стучатся головами о фабричные двери. Худые, изможденные, с жалобным голосом, осаждают они фабрикантов: «Хороший г. Шаго, добрейший г. Шнейдер, дайте нам работу, нас мучит не голод, а страсть к труду!» И эти несчастные, еле держась на ногах, продают 12–14 часов труда вдвое дешевле, чем раньше, когда у них еще был хлеб в корзине. И филантропы промышленности пользуются безработицей, чтобы еще больше понизить свои издержки производства.

Если промышленные кризисы, следующие за периодами перепроизводства так же неизбежно, как день за ночью, влекут за собою вынужденную безработицу и безысходную нищету, то они также вызывают жестокие банкротства. Пока фабрикант пользуется кредитом, он работает на всех парах, он занимает, одалживает всюду, чтобы снабжать рабочего сырым материалом. Он производит, не думая о том, что рынок переполнен и что, если его товар не будет продан, его векселя будут опротестованы. Прижатый к стене недостаточной продажей, бежит он к банкиру, падает к его ногам, предлагает свою кровь, свою честь. «Для меня гораздо важнее было бы немного золота, – отвечает Ротшильд, – вот у вас в магазине сложено 20 000 пар чулок, пара стоит 40 коп., за 8 коп. я их возьму». Получив чулки, банкир продает их за 12–16 коп. пару и прикарманивает таким образом изрядное количество блестящих монет; но фабрикант еще больше запутался. Наконец, магазины переполняются до последней степени, и наступает крах, и тогда через окна магазинов выбрасывается столько товаров, что трудно представить себе, как они все вошли туда через дверь. А то товары и совсем уничтожаются – иногда на сотни миллионов; в XVIII столетии их просто сжигали или бросали в воду.¹⁰

¹⁰ На конгрессе промышленников в Берлине 21 января 1879 г. убытки в железной промышленности Германия во время последнего кризиса оценены были в 568 млн. франков.

Но прежде чем решиться на это, фабриканты рыскают по всему миру в поисках за рынками для накопленных товаров; они требуют от своего правительства присоединения Конго, захвата Тонкина, разрушения пушечными выстрелами стен Китая, чтобы только сбыть свои хлопчатобумажные изделия. В последние века Англия и Франция вели между собою непрерывную дуэль не на жизнь, а на смерть из-за исключительного права продавать свои товары в Америке и в обеих Индиях. Тысячи молодых, здоровых людей окрашивали своей кровью моря во время колониальных войн XVI, XVII и XVIII веков.

В капиталах такой же избыток, как и в товарах. Финансисты не знают более, куда их помешать; тогда они отправляются к тем счастливым нациям, которые, греясь на солнце, покуряют папиросы, и строят им железные дороги, воздвигают фабрики и вводят проклятие труда. И этот вывоз капиталов в один прекрасный день кончается «дипломатическими осложнениями»: в Египте, например, Франция, Англия и Германия чуть не вцепились друг другу в волосы из-за того, чьи ростовщики получают первыми свои денежки; кончается все же это иногда и войнами, как в Мексике, в которой французские солдаты играли роль судебных приставов для взыскания сомнительных долгов.¹¹

Эти общественные и индивидуальные бедствия, как бы велики и неизмеримы они ни были и как бы они ни казались нескончаемыми и безысходными, улетучатся, словно гиены и шакалы при приближении льва, как только пролетариат скажет: «я этого хочу». Но чтобы возвыситься до понимания своей силы, пролетариат должен уничтожить в себе предрассудки христианской, экономической и свободомыслящей морали, должен вернуться к своим естественным инстинктам и провозгласить права на леность, которые в тысячу раз благороднее и священнее, чем чахлая права человека, испеченные адвокатами-метафизиками буржуазной революции: он должен принудить себя работать не более трех часов в сутки, чтобы остаток дня и ночи проводить в безделье и веселье.

До сих пор задача моя была легка: я должен был описать действительное зло, которое мы все знаем. Но убедить пролетариат в том, что мораль, которую ему привили, есть мораль развращающая, что необузданный труд, которому он предавался с самого начала XIX столетия, есть наихудший бич, когда-либо поражающий человечество, что только тогда, когда труд будет правильно организован и ограничен тремя часами в день, он станет приправой к удовольствиям лености, благодетельным упражнением для человеческого тела, полезной страстью для общественного организма, – убедить во всем этом пролетариат задача очень трудная и превышает мои силы. Только коммунисты – физиологи, гигиенисты, экономисты – могли бы предпринять ее. На следующих страницах я постараюсь лишь показать, что при современных средствах производства и их безграничной производительной силе нужно обуздать нелепую страсть рабочих к труду и обязать их потреблять товары, которые они производят.

III. Что происходит от перепроизводства

Греческий поэт Антипатр, современник Цицерона, воспел изобретение водяной мельницы для размола зерна. По его мнению, она должна была освободить рабынь и восстановить золотой век: «Поберегите ваши руки, мельничихи, и спите безмятежно! Пусть петух напрасно возвещает вам о наступлении утра! Дао возложила на нимф работу рабынь, я вот они прыгают легко по колесам, а приведенные в движение оси вертятся со своими спицами и заставляют вращаться тяжелый камень. Будем же жить жизнью отцов наших и, не трудясь, пользоваться дарами, которые нам посылает богиня».

¹¹ «La Justice», газета Клемансо, в своем финансовом отделе писала 6 апреля 1880 г.: «Мы слышали мнение, что если бы не было Пруссии, миллиарды войны 1870 г. *все равно были бы потеряны* для Франции в форме займа, периодически выпускаемого для равновесия иностранных бюджетов; мы присоединяемся к этому мнению». То, что английский капитал потерял в займах южно-американских республик, исчисляется в пять миллиардов. Французские трудящиеся не только произвели пять миллиардов, уплаченных Бисмарку, но и продолжают платить проценты по возмещению военных убытков разным Оливье, Жирарденам, Базенам и другим владельцам ренты, которые вызвали войну и поражение. Но у них остается, однако, маленькое вознаграждение: эти миллиарды не вызывают войны для возмещения убытков.

Увы! Досуг, который возвещали языческие поэты, не пришел; слепая, развращающая, убийственная страсть к труду превратила машину-освободительницу в орудие порабощения свободных людей; производительность машины является причиной обнищания масс.

Искусная работница с помощью коклюшки вязала пять петель в минуту, некоторые же вязальные станки изготавливают в такое же время тридцать тысяч петель. Таким образом, каждая минута машинной работы равняется ста рабочим часам работницы, или, другими словами, каждая минута машинной работы дает возможность доставить работнице десять дней отдыха. То, что относится к плетению кружев, более или менее верно и по отношению к другим отраслям промышленности, преобразованным современной техникой. Но что же мы видим в действительности? По мере того как вследствие усовершенствования машины возрастает скорость и точность ее работы, по мере того как совершенствуется машина и все более развивающейся скоростью и точностью своей работы вытесняет человеческий труд, рабочий, вместо того чтобы настолько же увеличить свой досуг, удваивает усердие, словно он хочет соперничать с машиной. О глупая и убийственная конкуренция!

Чтобы дать живой простор конкуренции между машиной и человеком, пролетарии уничтожили разумные законы, ограничивавшие труд ремесленников старых цехов и отменили праздничные дни.¹² Думают ли они, может быть, что производители, работая тогда из семи дней недели только пять, питались водой и воздухом, как сочиняют лживые экономисты? Как бы не так! У них был досуг, чтобы наслаждаться радостями земли, веселиться и любить, чтобы устраивать веселые праздники в честь приносящего радость бога Безделья. Мрачная, замуравленная теперь в протестантизм Англия называлась тогда «веселой Англией» (*merry England*). У нас слюнки текут, когда мы читаем у Раблэ, Кеведо, Сервантеса и некоторых неизвестных авторов воровских романов описания колоссальных пиров,¹³ которые устраивались в промежутке между двумя сражениями и на которых «ничего не жалели». Иордане и фламандская школа нам очень хорошо передают их на холсте. Чудные ненасытные желудки, куда вы девались? Где вы, чудные головы, обнимавшие всю человеческую мысль? – Мы порядком измельчали и выродились. Постоянная голодовка, картофель, вино из фуксина и прусский шнапс, мудро соединенные с каторжной работой, ослабили наш организм и сделали неповоротливым наш ум. И именно тогда, когда люди суживают свой желудок, а машина расширяет свою производительность, экономисты нам проповедают теорию Мальтуса, религию воздержания и догму труда? Да им следовало бы вырвать языки и бросить их собакам!

Именно потому, что рабочий класс в простоте душевной позволил себя одурочить, потому что он со всем своим природным увлечением слепо погрузился в труд и воздержание, класс капиталистов оказался обреченным на вынужденную лень и веселье, на

¹² При старом режиме законы церкви гарантировали рабочим 90 свободных дней в году (52 воскресных и 38 праздничных дней), во время которых строго запрещалось работать. Это вменялось в тяжкое преступление католицизму и было главной причиной безверия промышленной и коммерческой буржуазии. Как только последняя с наступлением революции очутилась у власти, она уничтожила праздничные дни и неделю в 7 дней заменила неделей в 10, дабы народ пользовался отдыхом лишь раз в 10 дней. Она освободила рабочих от гнета церкви, чтобы подчинить их еще горшему гнету труда. Ненависть к праздничным дням обнаруживается лишь с тех пор, как на сцену выступает современная промышленная и коммерческая буржуазия, т. е. между XV и XVI веками. Генрих IV просил у папы уменьшения числа праздников, но получил отказ, ибо «одна из ересей настоящего времени касается именно праздников» («Письма кардинала д'Осса»), Но в 1666 г. Перефикс, архиепископ парижский, уничтожил в своей епархии 17 праздников. Протестантизм, – христианская религия, приноровленная к новым промышленным и коммерческим потребностям буржуазии, – меньше заботился об отдыхе для народа. Он низлагал святых на небе, чтобы уничтожить их праздники на земле. Реформация и философское свободомыслие послужили жадной иезуитской буржуазии лишь предлогом, чтобы уворовать народные праздники.

¹³ Эти пантагрюэльские празднества продолжались целые недели. Дон-Родриго де-Лара получает свою невесту посредством изгнания мавров из старой Калатравы, и «Романсеро» рассказывает:

«Свадьба была в Бургосе, возвращение со свадьбы в Саласе; в свадебных празднествах и возвращении с них прошло семь недель. Явилось столько людей, что для них не хватило мест...»

Участникам этих свадебных празднеств, продолжавшихся по семи недель, были героические солдаты войн за независимость.

непроизводительность и чрезмерное потребление. Но если излишний труд рабочего умерщвляет его плоть и терзает его нервы, то он и буржуазии приносит не мало горя.

Воздержание, на которое осудил себя класс производителей, обязывает буржуазию посвятить себя чрезмерному потреблению продуктов, которые она производит без всякого порядка. В начале капиталистического производства, т. е. около 200 лет тому назад, буржуа был почтенным человеком с благоразумными и мирными привычками: он довольствовался одной своей женой, он пил, когда чувствовал жажду, ел, когда был голоден. Он оставлял придворным куртизанам и куртизанкам благородные добродетели распутной жизни. Теперь же нет такого выскочки, который не находил бы нужным поддерживать проституцию и пичкать ртутью свой организм, чтобы убийственный труд в ртутных рудниках имел какой-нибудь смысл; нет такого буржуа, который не набивал бы брюха жареными каплунами с трюфелями и лафитом, чтобы поощрять лафлешских птицеводов, бордоских виноделов. При таком образе жизни организм быстро разрушается, волосы редуют, зубы выпадают, туловище искривляется, живот вспучивается, дыхание затрудняется, движения становятся неуклюжими, сочленения теряют свою эластичность, суставы окостеневают, и ревматизм и подагра свивают себе прочное гнездо. Другие же, слишком слабые для того, чтобы выносить такую распутную жизнь, но одаренные шишкой ученого крохоборства, иссушают свои мозги, как, напр., г-н Гарнье в политической экономии, Аколла в философии права, пишут большие снотворные книги, чтобы отнять досуг у наборщиков и типографов.

Светские женщины ведут также жизнь мучениц. Чтобы похвастаться очаровательными туалетами, за шитьем которых швеи наживают чахотку, им приходится с утра до вечера порхать из одного платья в другое; на целые часы должны они предоставить свою голову в распоряжение ловкого парикмахера, который за большие деньги воздвигает на их голове искусный шиньон из чужих волос. Затянутые в корсеты, в тесных ботинках, оголенные так, чао любой гвардеец покраснел бы от стыда, проводят они ночи на благотворительных балах для того, чтобы собрать несколько грошей для бедных. Святые великомученицы!

Чтобы выполнить свою двойную общественную функцию нейрон 3– водителей и чрезмерных потребителей, буржуа не только должен насиловать свои скромные вкусы, отказаться от своих старых трудолюбивых привычек и отдаться необузданной роскоши и разврату, но также и отрывать огромную массу людей от производительного труда, чтобы раздобыть себе помощников.

Вот некоторые цифры, которые покажут, как велика потеря производительных сил. По переписи 1861 г. общее население Англии и Уэльса простиралось до 20 066 244 лиц, из них 9 776 269 мужчин и 10 289 965 женщин. Если оставить в стороне слишком старых и слишком юных для работы, всех «не участвующих в производстве женщин», подростков и детей, «идеологические сословия», как, напр., чиновников, слушателей культа, юристов, военных и т. д., наконец всех тех, исключительное занятие которых составляет заедание чужого труда в виде поземельной ренты, процентов и т. д..., то останется круглым числом 8 000 000 человек обоюбого пола и всех возрастов, со включением всех капиталистов, чем-либо занимающихся в производстве, торговле и т. д... На эти 8 000 000 приходится:

Сельских рабочих (со включением пастухов, служащих у фермеров батраков, служанок) ... 1 098 261 человек.
 Текстильных рабочих ... 642 607
 Рабочих добывающей промышленности ... 565 835
 Металлургических рабочих ... 396 998 человек
 Прислуги ... 1 208 648

Сложив число текстильных рабочих с числом углекопов и рудокопов, получаем в итоге 1 208 442, сложив же число первых с числом металлургических рабочих, получаем в общем число 1039 605 человек, т. е. в обоих случаях меньше числа современных домашних рабов. Вот блестящий результат капиталистической эксплуатации машин!»¹⁴ Ко всему этому служащему

¹⁴ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 390–391.

классу, численность которого характеризует степень капиталистической цивилизации, мы должны еще прибавить многочисленный класс несчастных, которые занимаются удовлетворением бесполезных и расточительных вкусов богатых классов, как, напр., шлифовальщики бриллиантов, кружевницы, золотошвейки, модистки и т. д.¹⁵

Раз погрязши в полном безделье и деморализованная вынужденными наслаждениями, буржуазия, как это ей ни трудно было, приспособилась к своему новому образу жизни. Больше того: она без ужаса не могла уже и думать о возможности какого-либо изменения. А зрелище ужасающих условий существования, которые покорно принимает рабочий класс, и органическое вырождение, обусловливаемое болезненной страстью к труду, еще более усиливают отвращение буржуазии ко всякому обязательному труду и какому бы то ни было ограничению ее наслаждения и распутства. И как раз в это время, совершенно не считаясь с распутством, которому буржуазия обрекла себя как общественному долгу, пролетариату взбрело на мысль принудить капиталистов к труду. Простаки приняли всерьез теории экономистов и моралистов о труде и стали лезть из кожи вон, чтобы принудить к нему капиталистов. Пролетариат выставил девиз: *кто не работает, не должен и есть*. Лион в 1831 г. восстал с требованием *смерти или работы*; июньские инсургенты 1848 г. требовали «права на труд»; коммунары 18 марта 1871 г. объявили свое восстание *революцией труда*.

Удивительно ли, что на эти взрывы варварского безумия, желающего уничтожить буржуазное безделье и буржуазные наслаждения, капиталисты ответили жестокими преследованиями. Но они знают, что если им и удалось подавить эти революционные взрывы, они все же не потопили еще в пролитых ими реках крови нелепое желание пролетариата заставить трудиться праздных и сытых. И вот, чтобы оградить себя от такого несчастья, они окружают себя жандармерией, полицией, войском, судьями, тюремщиками, которых они занимают всякими утомительными, но совершенно непроизводительными делами. В настоящее время всем ясно назначение постоянной армии: она потому и постоянна, чтобы быть наготове против «внутреннего врага». Так, укрепления Парижа и Лиона воздвигнуты не для того, чтобы защищать эти города от нападения неприятеля, а чтобы усмирять их в случае восстания.

Прекрасный пример, против которого ничего нельзя возразить, дает Бельгия, страна в высшей степени развитого капитализма; ее нейтралитет гарантирован европейскими державами, и, однако, армия там, сравнительно с численностью населения, очень велика. Знаменитые сражения храброго бельгийского войска происходили на равнинах Воринажа и Шарльруа; в крови рудокопов и безоружных рабочих бельгийские офицеры закаляют свои шпаги и добывают себе эполеты. У европейских наций не национальные армии, а наемные, — они и охраняют капиталистов от гнева народного, который хотел бы их осудить на 10-часовой труд на фабриках и в рудниках.

Итак, подвергая себя лишениям, рабочий класс безмерно развивает аппетиты буржуазии, которая вынуждается, таким образом, на чрезмерное потребление.

Чтобы облегчить себе эту тяжелую работу, буржуазия извлекает из рабочего класса массу лиц, на много превышающую число тех, которые посвятили себя полезному труду, и обрекает всех их на непроизводительность и чрезмерное потребление. Но, несмотря на свое ненасытное обжорство, это стадо бесполезных ртов не может потребить всех продуктов, изготовленных рабочими, которые, точно маньяки, одурманенные догмой труда, производят товары, не желая их потреблять и не думая о том, найдутся ли для них потребители.

Из двойного безумия рабочих, т. е. из стремления к чрезмерному труду и желания прозябать в воздержании, вытекает то, что великой проблемой капиталистического производства является забота не о том, чтобы найти производителей и увеличить их силы, а в том, чтобы открыть потребителей, возбудить их аппетиты и приобрести для них искусственные

¹⁵ «Отношение, в котором население страны занято в качестве прислуги у зажиточных классов, указывает на рост ее национального богатства и цивилизации». *R. M. Martin, Ireland before and after the Union, 1818*). Гамбетта, который отрицал социальный вопрос, с тех пор как он больше не был уже нуждающимся адвокатом кафе Прокон, имел, без сомнения, в виду этот все растущий класс прислуги, когда говорил о появлении новых социальных слоев.

потребности. Так как европейские рабочие, дрожа от холода и голода, отказываются носить материю, которую соткали, нить вино, которое собрали, бедные фабриканты принуждены бегать к антиподам и там искать людей, которые носили *бы* эту материю и пили *бы* это вино: Европа каждый год вывозит во все концы света товаров на тысячи миллионов народам, которые не знают даже, что с ними делать.¹⁶

Но исследованные континенты недостаточно обширны, им нужны девственные страны. Европейские фабриканты во сне и наяву грезят об Африке, об озере посреди Сахары, о железной дороге через Судан; с тревожным вниманием следят они за успехами Ливингстона, Стэнли, Шайю, Брацца; с разинутым ртом слушают они удивительные рассказы этих смелых путешественников. Сколько неизвестных чудес скрывает этот «черный континент»! Поля усеяны клыками слонов, реки из кокосового масла переполнены золотыми песчинками, миллионы черных людей, голых как череп Дюфора или Жирардена, ждут европейского ситца, чтобы научиться стыдливости, бутылки водки п Библии, чтобы познать добродетели цивилизации.

Но всего этого недостаточно: обжираящаяся буржуазия, служащий класс, превосходящий своею численностью класс производителей; иностранные нации и варвары, которых заливают европейскими товарам, – все они вместе не в силах потребить эти горы продуктов, превосходящие по высоте и величине египетские пирамиды: производительность европейских рабочих бесконечно превосходит всякое потребление и расточительность. Фабриканты, растерявшись, находятся в отчаянном положении: им более не хватает сырого материала, чтобы удовлетворить безумную страсть своих рабочих к труду. Некоторые фабриканты покупают старые полусгнившие шерстяные платья и изготавливают из них сукно, называющееся *renaissance* (возрождение), настолько же прочное, как и обещания депутатов перед выборами; в других отраслях промышленности происходит то же самое: все продукты подделываются, чтобы облегчить их сбыт и уменьшить их прочность. Наша эпоха будет названа веком фальсификации, подобно тому как, напр., первые эпохи существования человечества носят название каменного века, бронзового века по способу их производства. Невежды обвиняют наших благочестивых промышленников в мошенничестве, тогда как в действительности их занимает одна мысль – доставлять работу рабочим, которые не могут примириться с жизнью без труда. Эта фальсификация, которая вытекает исключительно из человеколюбивых мотивов, приносит громадную прибыль фабрикантам, практикующим ее; если она и губительна для качества товаров, если она и является неисчерпаемым источником расточения человеческого труда, то она все-таки доказывает человеколюбивую изобретательность буржуазии и ужасную испорченность рабочих, которые, для удовлетворения своей страсти к труду, заставляют промышленников задуть голос совести и нарушать законы коммерческой честности.

И все-таки, несмотря на перепроизводство товаров, несмотря на промышленную фальсификацию, рабочие бесчисленными массами загромождают рынок, взывая: работы! работы! Их изобилие, вместо того чтобы заставить их обуздать свою страсть, доводит ее до самой высокой степени. Если только предвидится возможность работы, они бросаются на нее массами. Чтобы насытить свою страсть, они требуют 12–14 часов труда в день. А на другой день их снова выбрасывают на мостовую и лишают возможности удовлетворять свой порок. Из года в год с регулярностью времен года во всех отраслях промышленности наступает безработица; за чрезмерным трудом, убивающим организм, следует абсолютный отдых, продолжающийся 2–4 месяца, а нет труда, нет и хлеба! Если страсть к труду заполонила; сердца рабочих, если страсть эта душит все другие инстинкты его природы и если, с другой стороны, количество труда, требуемого обществом, ограничено потреблением и количеством сырого

¹⁶ Вот два примера. Английское правительство, чтобы угодить индийским крестьянам, которые, несмотря на периодически повторяющиеся голодные годы, разоряющие страну, упорно разводят мак вместо риса для хлеба, должно было начать кровопролитные войны, чтобы принудить китайское правительство свободно ввозить индийский опиум. Для потребления продуктов шотландских винокуренных заводов и манчестерских ткацких фабрик полинезийские дикари принуждены были одеваться в хлопчатобумажные ткани и напиваться допьяна, несмотря на смертность, которая была результатом этого.

материала, то: для чего же в 6 месяцев выполнять труд всего года? Не лучше ли распределить этот труд равномерно на 12 месяцев и заставить каждого рабочего довольствоваться 6–6 часами в день в течение всего года, а не надрываться 6 месяцев в году над двенадцатичасовой работой в день? Когда им будет обеспечена ежедневная работа, когда рабочие не будут завидовать друг другу и не будут вырывать друг у друга работу из рук и кусок хлеба изо рта и когда, таким образом, их тело и дух больше не будут знать изнурения, они воспитают в себе добродетели лени.

Одурманенные своею страстью, рабочие не могут возвыситься до понимания того простого факта, что для того, чтобы иметь работу для всех, ее нужно распределять маленькими порциями, как воду на гибнущем корабле. А между тем уже сами промышленники, во имя капиталистической эксплуатации, давно уже потребовали законодательного ограничения рабочего дня. В комиссии профессионального образования (в 1860 г.) один из наиболее крупных мануфактуристов Эльзаса, г. Буркар, заявил: «12-часовой рабочий день слишком велик. Его нужно свести к 11 часам, а в субботу работа должна прекращаться в 2 часа. Я советую принять эту меру, хотя она с первого взгляда кажется обременительной; мы ввели ее в наших предприятиях уже четыре года тому назад и не потерпели от этого никакого ущерба. Производство в среднем не только не понизилось, но значительно повысилось». В своем исследовании о машинах г. Пасси цитирует письмо одного крупного бельгийского промышленника г. Оттевера: «Хотя наши машины точно такие же, как и у английских прядильщиков, но они производят меньше, чем должны были производить, несмотря на то, что прядильщики там работают на два часа меньше в день... мы работаем лишних два часа; я уверен, что если бы мы вместо 13 часов работали 11 часов, мы произвели бы столько же, а следовательно и более экономно». С другой стороны, буржуазный экономист Леруа-Волье утверждает, что «по наблюдениям одного крупного бельгийского мануфактура, в недели, на которые падает праздничный день, производится не меньше, чем в обыкновенную неделю».¹⁷

Но то, чего не осмелился сделать народ, обманутый по своей простоте моралистами, сделало аристократическое правительство. Презируя высоконравственные и промышленные соображения экономистов, которые, точно зловещие птицы, каркали, что уменьшение рабочего дня на один час равносильно разорению английской промышленности, английское правительство строго соблюдаемым законом запретило работать более 10 часов в день, и после этого, как и прежде, Англия остается наиболее промышленной страной всего мира. Перед нами великий опыт Англии, перед нами также опыт нескольких разумных капиталистов: они нам показывают неопровержимо, что для увеличения производительности человеческого труда нужно уменьшить рабочий день и увеличить число свободных и праздничных дней, но французский народ еще не видит этого.

Но если жалкое уменьшение на два часа увеличило в 10 лет почти на одну треть английское производство,¹⁸ то каким бешеным галопом помчалось бы французское производство, если бы рабочий день был ограничен 3 часами? Разве рабочие не могут, наконец, понять, что, обременяя себя трудом, они истощают свои силы и силы своего потомства; что, изнуренные, они преждевременно становятся неспособными к какому-либо труду; что, поглощенные и одурманенные своей страстью, они уже не являются больше людьми, а представляют только обломки человека; что они убивают в себе все лучшие способности, и все это из-за яростной страсти к труду?

Увы! Подобно попугаям повторяют они урок экономистов: «Будем работать, будем работать, чтобы увеличить национальное богатство». О идиоты! Именно потому, что вы так

¹⁷ Paul Leroy-Beaulieu, *La question ouvrière au XIX siècle*, 1872.

¹⁸ Вот по *Р. Гиффену*, известному английскому статистику, растущая прогрессия национального богатства Англии и Ирландии:

в 1814 г. ... 56 миллиардов франков

в 1865... 1621/2

в 1876... 2121/2

много работаете, промышленная техника развивается так медленно. Прекратите ваш крик я выслушайте одного экономиста; это не блестящего ума человек, это только господин Л. Рейбо: «В общем условия труда регулируют перемены в методах производства. Ручной труд употребляется, пока он дешев; его начинают сокращать, как только он становится дороже».¹⁹ Чтобы заставить капиталистов совершенствовать их машины из дерева и железа, нужно повысить заработную плату и уменьшить рабочее время машин из костей и мяса. Вам нужны доказательства? Их можно привести сотнями: в прядильной промышленности автоматический станок был изобретен и применен в Манчестере, потому что прядильщики отказались работать так долго, как прежде.

В Америке машина захватила все отрасли сельского хозяйства, начиная от приготовления масла до выпалывания хлеба. Почему? Потому что американец, свободный и ленивый, предпочел бы тысячу раз умереть, чем жить животной жизнью французского крестьянина. Сельский труд, столь утомительный в нашей славной Франции, является в Америке приятным времяпрепровождением на свежем воздухе. Земледелец исполняет свою работу, сидя и беззаботно покуривая трубку.

IV. Другое время, другие песни

Если, уменьшая рабочие часы, мы создаем для общественного производства новые механические силы, то, заставляя рабочих потреблять произведенные ими продукты, мы увеличим во много раз армию человеческих рабочих сил. Буржуазия, освобожденная тогда от своей задачи быть всеобщим потребителем, поспешит распустить солдат, служащих, сводников и т. д., которых она оторвала от полезного труда, чтобы создать себе помощников в потреблении и расточительности. Рабочий рынок тогда будет переполнен: придется издать закон, запрещающий труд, невозможно будет найти работу для этой, доселе непроизводительной толпы, которая многочисленнее саранчи. После них придется подумать и о тех, которые заботились об удовлетворении своих пустых и расточительных потребностей и вкусов. Когда не будет более лакеев и генералов, для которых нужны галуны; когда не будет более замужних и незамужних проституток, для которых нужны кружева; когда не нужно будет строить дворцы и отливать пушки, – тогда придется с помощью строгих законов заставить рабочих и работниц, приготовлявших галуны, кружева, делавших пушки, строивших дворцы и т. д., упражняться в гребле и обучаться пляскам для восстановления их здоровья и усовершенствования расы. Когда европейские товары будут потребляться на месте, а не перевозиться черт знает куда, тогда морякам, грузчикам и биндюжникам придется сидеть без работы и помирать с голоду.

Счастливые полинезийцы смогут отдаваться свободной любви, не боясь ударов цивилизованной Венеры и проповедей европейской морали.

И больше того! Чтобы найти работу для всех непроизводительных сил современного общества и для того, чтобы средства производства безгранично усовершенствовались, рабочий класс должен будет, подобно буржуазии, подавить в себе привычки к воздержанию и развить до бесконечной степени свои потребительные способности. Вместо того чтобы съесть ежедневно несколько золотников жесткого мяса, если он его только ест, он должен будет есть сочные бифштексы в 1 или 2 фунта; вместо того чтобы умеренно пить плохое вино, более католическое, чем сам папа, он полными стаканами будет пить настоящее бордо или бургундское, а воду предоставит скоту.

Пролетарии забрали себе в голову принудить капиталистов к 10-часовой работе в рудниках и на фабриках, – в этом состоит главное зло, причина общественного антагонизма и гражданских войн. Не навязывать, а запрещать нужно работу. Ротшильдам, Сэям и другим позволено будет доказать, что они всю свою жизнь были бездельниками, и если они захотят и дальше, несмотря на всеобщее увлечение трудом, жить полнейшими бездельниками, они будут

¹⁹ *Louis Heybaud, Le coton, son regime, ses problemes (1863).*

записаны в особый список, и каждое утро будут получать по 20 фр. на свои маленькие удовольствия. Общественные раздоры исчезнут. Убедившись, что им не только не хотят причинить зла, а напротив хотят освободить от труда чрезмерного потребления и расточительности, на которое они были осуждены с самого рождения, рантье – капиталисты поспешат присоединиться к народной партии. Что же касается буржуа, которые неспособны будут доказать свое право на звание бездельника, то им позволят следовать своим инстинктам: для них найдется достаточно профессий: Дюфор чистил бы отхожие места, Галиффе – запаршивевших свиней и сапных лошадей; члены комиссии, отправленные в Пуасси, отмечали бы волов и овец, которых нужно убить; сенаторы, которые особенно любят торжественные похороны, играли бы похоронный марш. И для других можно было бы найти профессии, соответствующие их умственным способностям: Лоржериль, Бройль закупоривали бы бутылки шампанского, но им заранее надели бы намордники, чтобы помешать им напиваться; Ферри, Фрейсине, Тирар истребляли бы клопов и всякую нечисть в публичных пристанищах; однако нужно будет спрятать подальше от буржуа деньги из опасения, чтобы они по привычке не стащили их.

Но долго и тяжело будут мстить моралистам, которые развратили человеческую натуру, ханжам, лицемерам, которые притворяются, чтобы обманывать народ. В дни больших народных праздников, когда, вместо того чтобы глотать пыль, как 14 июля, коммунисты и социалисты будут пить прекрасное вино и есть вкусное жаркое, члены Академии нравственных и политических наук, попы в рясах и попы в сюртуках, попы экономической, католической, протестантской, иудейской, свободомыслящей церкви, пропагандисты мальтузианства и альтруистической и христианской морали – все они в желтых костюмах будут держать свечи и терзаться голодом около столов, уставленных мясом, фруктами и цветами, и умирать от жажды около раскрытых бочек. Четыре раза в году, при перемене времен года, запирали бы их в ветряные мельницы и в течение 10 часов заставляли бы молотить ветер. Адвокаты и юристы получают такое же наказание.

В царстве лени, чтобы убить время, которое убивает нас секунда за секундой, будут устраиваться спектакли и разные театральные представления; это как раз подходящая работа для наших законодателей: их сорганизуют в группы, которые будут объезжать деревни и ярмарки, давая всюду законодательные представления. Генералы в ботфортах, парадной форме и орденах будут бегать по улицам и площадям, созывая добрых людей. А затем начнется великая пьеса: кража национальных имуществ.

Капиталистическая Франция, огромная женщина с волосатым лицом и голым черепом, расплывшаяся, с дряблой кожей и жирным вздувшимся телом, с тусклыми глазами, лежит зевая на софе; у ее ног промышленный капитализм, колоссальный организм из железа, в обезьяньей маске, механически пожирает мужчин, женщин и детей, и их раздирающий душу крик наполняет воздух. Банк с рылом куницы, телом гиены и ногтями ехидны проворно вытаскивает у него из кармана одну монету за другой. Целая армия несчастных, истощенных, одетых в лохмотья пролетариев в сопровождении жандармов с саблями наголо, гонимые фуриями, которые хлещут их бичом голода, несут к ногам капиталистической Франции груды разных товаров, бочки вина, мешки хлеба и золота. Ланглуа, одной рукой натягивая брюки, держа в другой руке завещание Прудона и роспись доходов в зубах, становится во главе охранителей национальной собственности. Как только рабочие сложили свои ноши, их ударами палок и штыков выгоняют, и дверь открывается для промышленников, купцов и банкиров. Без всякого порядка бросаются они на эту груды товаров, хватают материю, мешки хлеба, слитки золота, опоражнивают бочки, наконец у них не хватает более сил, и, грязные, противные, погружаются они в свои же нечистоты... Тогда раздается гром, земля разверзается, и из нее появляется историческая Необходимость; своей железной стопой она давит всех тех, которые становятся ей на дороге, и своей могучей рукой ниспровергает оцепеневшего от страха капиталистическую Францию.

* * *

Когда бы рабочий класс, вырвав из своего сердца порок, который им овладел и унижает его, поднялся со всей своей могучей силой, не для того, чтобы требовать прав человека, которые в действительности – только права капиталистической эксплуатации, и не для того,

чтобы требовать права на труд, которое есть только право на нищету, а для того, чтобы выковать железный закон, запрещающий человеку работать более 3 часов в сутки, – тогда старая земля, дрожа от радости, почувствовала бы, как в ней зарождается новый мир... Но как ждать от пролетариата, испорченного капиталистической моралью, мужественного решения?

Подобно Христу, этому скорбному олицетворению античного рабства, наш пролетариат – мужчины, женщины и дети – уже в течение века с трудом подымается на Голгофу страдания; в течение века каторжный труд ломает его кости, убивает тело и терзает нервы; в течение века голод рвет его внутренности и кружит ему голову...

О леньность, жалься над нашей нищетой! О леньность, мать искусств и благородных добродетелей, будь ты бальзамом для страданий человечества!

Приложение

Наши моралисты – очень скромные люди; хотя они и придумали догму труда, однако они все еще сомневаются в его способности успокаивать душу, возвышать ум и помогать правильным отправлениям почек и других органов человеческого организма; они хотели сначала испытать его влияние на народную массу, раньше чем направить его против капиталистов, пороки которых они объясняют и оправдывают.

Но, копеечные философы, почему напрягаете вы свои мозги, выдумывая мораль, которую не можете предложить вашим повелителям? Желаете ли вы видеть, как ваша догма труда, открытием которой вы так гордитесь, осмеивается и презирается? Откроем историю древних народов и сочинения их философов и законодателей.

«Я не могу утверждать, – говорит отец истории Геродот, – заимствовали ли греки презрение к труду у египтян, так как я нахожу такое же презрение у фракийцев, у персов, у лидийцев, – потому что у большинства варваров всех тех, которые изучают ремесла, а также их детей считают низшими гражданами... Все греки воспитаны в этих принципах, особенно лакедемоняне».²⁰

«В Афинах только те граждане считались действительно благородными, которые охраняли государство и управляли им, как у диких воинов, от которых они ведут свое происхождение. Желая свободно располагать всем своим временем, чтобы иметь возможность посвятить все свои физические и духовные силы заботам об интересах республики, они все работы сваливали на рабов. Также в Лакедемонии даже женщины не должны были ни ткать, ни прясть, чтобы не потерять своего благородства».²¹

Римляне знали только две свободных благородных профессии: земледелие и военное дело; все граждане по праву жили на счет государства, и никто не мог принудить их поддерживать свое существование с помощью одного из тех грязных искусств (так они называли ремесла), которые по праву принадлежали рабам. Старший Брут, чтобы поднять народ, обвинил тирана Тарквиния главным образом в том, что он из свободных граждан сделал каменщиков и ремесленников.²²

Древние философы спорили о происхождении идей, но они были согласны в отрицании труда. «Природа, – говорит Платон в своей социальной утопии, в своей образцовой Республике, – природа не создала ни сапожников, ни кузнецов; подобные занятия унижают людей, которые ими занимаются: низких наемников, несчастных без имени, которые вследствие своего положения лишены даже политических нрав. Что же касается купцов, привыкших лгать и обманывать, то их будут терпеть в общине как необходимое зло. Гражданин, унижившийся торговлей, будет преследоваться за это преступление. Если он будет

²⁰ Herodote, Tome II, trad. Larcher, 1786.

²¹ Biot, De l'abolition de l'esclavage ancien en Occident, 1840.

²² Tile Live. Liv. I.

уличен, то будет наказан годом тюрьмы. При повторении преступления наказание удваивается».²³

В своей экономике Ксенофонт пишет: «Люди, занимающиеся ремеслами, никогда не назначаются на высшие должности, и это вполне справедливо. Большинство из них принуждено вести сидячую жизнь, другие подвергаются еще действию постоянного огня – все это, конечно, не может не действовать вредным образом на тело и не отразиться также и на уме».

«Что может выйти хорошего из лавки, – заявляет Цицерон, – и может ли торговля произвести что-нибудь честное? Все, что носит название лавки, недостойно благородного человека, так как торговцы, не прибегая ко лжи, не могут ничего заработать, а есть ли что-нибудь более позорное, чем ложь? Следовательно, все ремесла, в которых люди продают свой труд и свои произведения, должны считаться низкими и непристойными, потому что кто продает свой труд, продает самого себя и тем самым низводит себя до положения раба».²⁴

Пролетарии, одуроченные догмой труда, слышите ли вы речи этих философов, которые заботливо от вас скрывают? Гражданин, продающий свой труд за деньги, низводит себя до положения раба, он совершает преступление, которое заслуживает тюремного заключения.

Христианское ханжество и капиталистический утилитаризм еще не совратили этих философов древней республики; проповедуя свободным людям, они откровенно высказывали свои мысли. Платон и Аристотель, эти величайшие мыслители, до которых нашим Кузенам, Каро, Симонам, так же далеко, как до неба, хотели, чтобы в их идеальной республике граждане пользовались большим досугом, потому что, – добавляет Ксенофонт к этому, – «работа отымает все время, и при ней не остается досуга для республики и друзей». По словам Плутарха, Ликург, самый мудрый из людей, потому и заслужил удивление потомства, что предоставил гражданам республики досуг, запретив им всякие ремесла.

«Но, – ответят Бастиа, Дюпанлу, Болье и вся компания капиталистической и христианской морали, – эти философы проповедывали рабство!» Совершенно верно, по могло ли быть иначе при экономических и политических условиях их времени? Война была нормальным состоянием древних обществ; свободный человек должен был посвящать все свое время на обсуждение дел государства и на его охрану; ремесла были тогда неразвиты и грубы, и люди, занятые в них, не могли в то же время исполнять обязанности солдата и гражданина. Чтобы иметь солдат и граждан-законодателей, философы должны были в своих героических республиках терпеть рабов. Но разве моралисты и экономисты капитализма не проповедуют наемный труд, современное рабство? А кто те люди, которым капиталистическое рабство создает досуг? Ротшильд, Шнейдер, г-жа Вусико. Все это – люди бесполезные и даже вредные, рабы своих пороков и своих лакеев.

«Предрассудок рабства господствовал над умами Пифагора и Аристотеля» – говорили некоторые презрительно, а между тем уже Аристотель предвидел, что «если бы каждый инструмент мог исполнять свойственную ему работу по приказанию или по собственному влечению, как создания Дедала двигались сами собой или как треножки Гефеста отправлялись по собственному побуждению на священную работу, – если бы челноки ткача ткали таким же образом сами собой, то мастеру не надо было бы помощников, а господину – рабов». Мечта Аристотеля стала теперь действительностью. Наши машины с огненным дыханием, с неутомимыми стальными членами, с удивительной производительной силой послушно совершают сами свой труд, и все же гений великих философов капитализма остается, как и прежде, во власти предрассудка наемного труда, наихудшего рабства. Они еще не понимают, что машина – искупитель человечества, бог, который освободит человечество от грязных искусств и наемного труда, бог, который даст ему досуг и свободу.

²³ *Platon, Respublique. Liv. V.*

²⁴ *Ciceron, Des devoirs. I, tit. II, ch. LII.*